

Откуда есть пошла авторская песня и куда она идет

Андрей Битов в "Пушкинском доме" хорошо описал, как после смерти Сталина все с удивлением обнаружили, как это, оказывается, здорово — поговорить по душам! Сейчас это звучит несколько высокопарно, но людям захотелось тепла, появилась потребность высказать себя, преодолеть отчужденность. Военные марши и песни а la Дунаевский не слишком подходили для этого, как и городской романс, и в поисках новых форм самовыражения родилась авторская песня. Возможно, именно поэтому она и приобрела тот лиричный, даже интимный характер, который теперь многие считают пошлостью. Жанр еще не требовал профессионализма — достаточно было пресловутого "трех аккордов". Поэтические огрехи тоже прощались. Было не столь важно, как сказать, главное — что. При этом получился парадокс — с одной стороны, каждый автор был уникален. С другой стороны, удивительная однородность советского общества, одинаковость воспитания, отсутствие выраженных социальных барьеров (по сравнению с сегодняшним днем, конечно) задали общий тон новому жанру. В результате, хотя Визбор, Анчаров, Никитины и пр. были очень непохожи друг на друга, каким-то шестым чувством ощущалось их родство. Та же однородность общества позволила приобрести общесоюзную известность лишь нескольким авторам (Высоцкий, Галич, Окуджава) — и не позволила остальным. Кумиров много не бывает.

Говорят, на детях гениев природа отдыхает.

Сергей Костохин и Тимур Шаов

Сложно сказать, как там с гениями, но с бардами именно так и получилось. Авторы первой волны задали некие границы жанра. Может быть, единственный, кто смог раздвинуть эти границы в поколении, пришедшем сразу за шестидесятниками, был Михаил Щербakov — и неудивительно, что кспэшники его не любят, зато он популярен у тех, кто не уважает "бардьятину". А тогда, в 70-е (В. Ланцберг определил дату точнее — после 1974 г.) в песню хлынул поток графоманов — "романтиков", как сейчас бы сказали — "тусовщиков", которым "интимность" и "три аккорда" формально позволяли творить собственные опусы и выносить их на публику. Как грустно заметил В. Высоцкий, "сейчас многие берут в руки гитары — это неплохо. Плохо, что они лезут с ними на сцену". По всей стране развернулось бардовское движение, появился Грушинский фестиваль, то тут, то там стали возникать клубы самодельной песни (КСП), однако новых имен почти не появилось. Ситуация могла разрешиться небольшим творческим кризисом, в результате которого были бы найдены новые формы, но тут в дело нехотати вмешалась политика — первая половина 80-х печально знаменита разгоном КСП, запретом "Груши" и прочих фестивалей... Кризис был отложен лет на десять, зато когда он все-таки грянул, то оказался настоящим масштабным, что все заговорили о "смерти авторской песни". Середина 90-х годов стала временем, когда толпы слушателей, критиков и авторов с большим надрывом в голосе оплакивали гибель жанра.

Рыдали, однако, далеко не все. Автор из Хабаровска Андрей Земсков пел: "Чем твердить про пресловутый кризис жанра, лучше взять — и выдать пару новых песен!" В авторскую песню наконец-то пришло новое поколение. Оно росло на бардовских песнях, но отнюдь не собиралось пристраиваться к хору тех, кто ему в отцы годился. Тем более не было у него желания подпевать "романтикам" походов выходного дня. Молодежь отличалась, по сравнению с предшественниками, разнообразием вкусов и пристрастий. Информационная блокада 80-х была прорвана, появились кассеты, Интернет, авторская песня вышла за рамки небольших компаний. Единственным способом выделиться среди множества стал профессионализм — и в текстах, и в музыке. В песнях стали появляться сложные аранжировки, блюзовые и этнические мотивы, в тексты, помимо палаток и поездов, пришли герои Толкиена и Сартра. На сцену поднялись и авторы, пишущие сложные, философские тексты, и те, кто стоит ближе к русскому шансону, и те, кто ухитряется объединять и то и другое, как,

например, приезжавший недавно в Иркутск Тимур Шаов. Если ранее "бардовская песня" подразумевала преимущественно сольное исполнение с минимальным музыкальным сопровождением, то теперь появились целые ансамбли, гитару дополнили флейта, скрипка, синтезатор... Григорий Данской, Екатерина Болдырева, Олег Медведев, Александр Непомнящий и многие другие авторы, называть которых бардами язык не поворачивается, так громко заявили о себе, что не услышать их можно, только если сознательно заткнуть уши. Что некоторые и сделали. При этом в среде самих авторов радикального "конфликта поколений" в целом не ощущается. Представители пост-бардовской песни не стесняются признаваться со сцены в любви к предыдущему поколению. В. Ланцберг, А. Мирзаян и многие другие "классики" поддерживают, продвигают новичков. Расколослась только тусовка. Но, в конце концов, на то она и тусовка, чтобы жить по своим законам и своей жизнью, которая имеет мало общего с песнями и их авторами.

Юрий Дорохов

Иркутяне засветятся на большом экране

Режиссер Алексей Балабанов будет снимать фильм в нашем городе

Да, найдутся счастливчики среди иркутян, которые попадут в большое кино. Не на главные роли, конечно, и даже не на второстепенные, но в массовку уж точно попадут. Потому что на главные роли в фильме "Американец" режиссер Алексей Балабанов — автор нашумевших картин "Брат", "Брат-2" и "Война" — уже актеров нашел. Это американец Майкл Бин, наши Евгений Миронов, Сергей Шнуров, Виктор Сухоруков и Валерий Тодоровский. Художественный фильм "Американец" начнут снимать в

Иркутске в середине ноября. Режиссер посчитал, что Иркутск — очень удачное место для съемок этой картины, и даже сценарий написал специально для Иркутска. Часть эпизодов будет сниматься в одной из иркутских квартир, часть во дворах и на улицах центральной части города.

Фильм рассказывает об истории любви американца и сибирячки. В силу обстоятельств американец попадает в Сибирь и влюбляется в русскую учительницу, решая остаться в России навсегда...